

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-4-28-42

УДК 101.1

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ: КОНТУРЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА

Воронов В.М.

Цель. *Прояснить контуры экзистенциального подхода к проблеме идентичности как альтернативного теоретико-методологической позиции в сравнении с эссенциалистским и конструктивистским подходами.*

Методология. *Исследование базируется на философской рефлексии, которая понимается в качестве особого метода, позволяющего анализировать социокультурные феномены, опираясь на социогуманитарные дисциплины и литературно-художественное осмысление действительности. Теоретико-методологическая позиция в основном определяется идеями экзистенциальной аналитики (М. Хайдеггер) и логотерапии (В. Франкл). Методологическое значение для исследования имеют общие установки феноменологии и экзистенциализма, а также концепция нарративной идентичности П. Рикёра.*

Результаты. *Сформулированы некоторые концептуальные положения экзистенциального понимания идентичности как целостного феномена. Показан экзистенциальный характер проблемы социально-антропологической идентичности, конституирующийся связанностью смысложизненных вопросов «кто я?» и «ради чего?». Прояснена связь уровней социально-антропологической идентификации: персонального, социокультурного и антропологического.*

Область применения результатов. *Результаты могут использоваться для разработки социально-политических программ, связанных с проблематикой развития человеческого потенциала и патриотического воспитания в качестве теоретико-методологических оснований. Материалы могут включаться в курсы и модули преподавания социальной философии и философской антропологии.*

Ключевые слова: экзистенция; идентичность; идентификация; жизненные смыслы; смысл жизни; персональная идентичность; социокультурная идентичность; антропологическая идентичность.

THE PROBLEM OF IDENTITY: OUTLINE OF THE EXISTENTIAL APPROACH

Voronov V.M.

Purpose. Clarify the conceptual outline of the existential approach to the problem of identity as an alternative theoretical-methodological position by contrast to essentialism and constructivism approaches.

Methodology. The research is based on philosophical reflection understood as a special method to analyse sociocultural phenomena per se based on materials from various social sciences and a literary and artistic insight of reality. The theoretic and methodological standpoint is particularly based on the ideas of existential analysis (M. Heidegger) and logotherapy (V. Frankl). The general assumptions of phenomenology and existentialism as well as the P. Ricœur's narrative identity concept were also valuable as research methods.

Results. Several concepts of existential understanding of identity as a cohesive phenomenon have been formulated. The research has shown the existential nature of the problem of social and anthropological identity constituted by connection of meaning-of-life questions of "who am I?" and "What is it for?" The connection between the levels of social and anthropological identification – personal, sociocultural, and anthropological – have been clarified.

Practical application. The results can be applied in development of social and political programs related to human development potential and patriotic education as a theoretic and methodological basis. The materials can also be used in teaching social philosophy and philosophical anthropology.

Keywords: existence; identity; identification; vital meanings; meaning of life; personal identity; sociocultural identity; anthropological identity.

1. Феномен идентичности как социально-антропологическая и логико-онтологическая проблема

Размышляя о проблематике идентичности, необходимо выделить два смысловых поля: социально-антропологическое и логико-онтологическое. В социально-антропологическом ключе должны рассматриваться аспекты, связанные с самоопределением (самопониманием, самоотождествлением, самопрезентированием) личностей и общностей. Речь идёт о тематическом поле, которое исследуется различными социогуманитарными дисциплинами. При этом в качестве предмета теоретического исследования, как правило, рассматривается конкретный уровень социально-антропологической идентичности: персональный (личный, экзистенциальный), социокультурный (социальный), антропологический. Персональная идентичность делает возможным понимание самого себя как себя [См.: 3, с. 387]. Социокультурная идентичность связана с соотношением себя с конкретными параметрами своего бытия с другими, т.е. с конкретными социокультурными характеристиками. Антропологическая идентификация – это понимание себя в качестве человека. В логико-онтологическом смысле проблема идентичности может быть понята как проблема тождественности сущего самому себе, которая выражается в логическом законе тождества « $a=a$ ». Важным аспектом становится вопрос об адекватности высказываний, т.е. в вопрос о соответствии слова о сущем – самому сущему.

Следует заметить, что логико-онтологическая тождественность сущего с момента первых попыток её осмысления раскрывается довольно своеобразно. Со времён античной мысли широко известен парадокс о «корабле Тесея». Суть его состоит в следующем. Если доски, из которых состоит корабль, с течением времени постоянно менять, то останется ли корабль тем же кораблём или же это будет новый корабль, когда все доски будут заменены? [Плутарх. Сравнительные жизнеописания, Тесей, 23.] Эта парадоксальность усиливается, если мы попробуем задуматься о логико-онтологических аспектах персональной идентичности. Здесь достаточно вспомнить другой античный шуточный парадокс о должнике и заимодавце,

авторство которого приписывается трагику Эпимарху [7, с. 260]. Согласно условиям шутки-парадокса, один человек берёт в долг у другого деньги, но отказывается отдавать в установленный срок. Аргументы должника строятся на том основании, что он серьёзно изменился и фактически является не тем человеком, который брал долг, а уже другим. Заимодавец, не получив денег, избивает своего должника, а, оправдываясь перед судом, прибегает к аргументу: бил то один человек, а судят уже другого.

Парадоксальность, в которой мы оказываемся, проблематизирует нашу персональную самоидентичность (по крайней мере, её осмысление) как в отношении наших внутренних (ментальных) характеристик, так и в отношении нашей телесности (плоти). Не стоит забывать и о том, что возможности современной технократической цивилизации скоро могут сделать гораздо более острой и явной эту парадоксальность, переведя её в область практических решений. В частности можно вспомнить об одном из вызовов трансгуманизма: проекте полной или частичной киборгизация человеческого тела¹. Очевидно, что рано или поздно человечество столкнётся с проблемой отождествления существ, равно как и их самоотождествления, с гораздо большей долей искусственной «начинки», чем просто бионический протез (протезы) или вживлённый чип (чипы). В связи с этим парадокс можно переформулировать следующим образом: останется одним и тем же человек, органы которого будут полностью или большей частью заменены (улучшены, переработаны и т.д.) искусственными имплантами? Таким образом, следование логико-онтологическому пониманию идентичности применительно к её персональному уровню приводит нас к парадоксам. Эти парадоксы используются и для обоснования редукционистских позиций в отношении проблемы персональной идентичности.

Так на проблеме «тоже самого человека» во многом построен известный парадокс с телепортом (парадокс телепортации, парадокс дубликатов), который в качестве аргумента против значимости

---

¹ Этот же технократический вызов проблематизирует и нашу антропологическую идентификацию.

персональной идентичности выдвигался Д. Парфитом [13]. Один из вариантов такого парадокса хорошо раскрывается в известном фильме Престиж [The Prestige, реж. К. Ноллан, 2006]. Согласно сюжету фильма один из двух соперничавших фокусников, получает от Н. Теслу машину, которая должна телепортировать предметы на расстояние. Однако вместо телепортирования машина создаёт полные копии тел, которые в неё помещают. Используя это устройство для постановки трюка с исчезновением человека, иллюзионист решает проблему копий самого себя радикальным образом – просто топит их в бассейне с водой. При этом он так и остаётся в ситуации принципиального неведения, думая: «кто же всё-таки каждый раз погибает – его точная копия или оригинал?».

Парадоксальность, или даже апорийность, в которую мы попадаем, связана с приравниванием персональной идентичности к простой самождественности. Понятая только логико-онтологическим образом человеческая идентичность может либо редуцироваться и пониматься как нечто незначащее и потенциально неопределимое, либо выступать в качестве характеристики для определённого субстантивного начала (сознания, памяти, тела), либо пониматься в качестве опосредованной мемориальной связи. В противовес такому чисто логико-онтологическому взгляду, на идентичность можно взглянуть и с экзистенциально-смысловой стороны. Акцент на экзистенциально-смысловых аспектах позволит избежать редукционизма, и в какой-то мере заложить основания для построения теории, связывающей различные уровни социально-антропологической идентичности.

В теоретико-методологическом смысле здесь можно опереться на идею принципиальной специфичности человеческого бытия, которая (идея) была характерна для целого ряда философских построений первой половины XX века: фундаментальной онтологии, экзистенциализма, феноменологии, русской религиозной философии и др. Среди современных теоретиков феномена идентичности наиболее полно её экзистенциальные аспекты рассматриваются П. Рикером [5]. Французский философ предложил раз-

личение двух типов «идентичности: идентичности-то-же-самости (mêmeté) и идентичность-самости (ipséité)» [6, с. 107]. Самость при этом выступает не в качестве чистого «Я» (подобного картезианскому «Ego»), а в качестве того, что опосредуется определёнными формами повествования во взаимодействии с другими людьми. Можно сказать, что речь идёт о способности «прочитывать» **свою жизнь как свою жизнь** через определённые культурные тексты и тем самым строить повествование своей жизни (life-story). Вопрос «кто я?», таким образом, приобретает экзистенциальный и нередуцируемый характер.

Важным моментом при таком ракурсе рассмотрения проблемы является понимание динамического характера идентичности. Сам концепт «идентичность» в этом случае должен пониматься в связке с концептом «идентификация». Некоторые исследователи, например, российский социолог В.А. Ядов, настаивают на принципиальном различии этих понятий [12, с. 163–164]. Идентичность обычно понимается в таком случае как некая относительно устойчивая структура (характеристика), а идентификация как её процессуальная, динамическая основа. В такой логике идентификация определяется в качестве процесса, а идентичность в качестве результата. Однако если гносеологически провести это различие относительно легко через разделение категорий состояния/статике (идентичность) и динамики/процесса (идентификация), то в действительности это сделать затруднительно. В силу этого некоторые авторы используют эти понятия как синонимы или в связке [4, с. 191]. Далее в статье эти термины преимущественно используются в качестве синонимов.

2. Экзистенциальный смысл феномена идентичности и смысложизненная проблематика

Понятая в экзистенциальном ключе проблема прояснения собственной (персональной) идентичности пересекается с проблемой смысла жизни (жизненных смыслов). В проблематике жизненных смыслов определённой теоретической опорой является концепция

логотерапии В. Франкла, которая конституировала одно из направлений экзистенциальной психологии. Ценность логотерапевтических идей для философского осмысления феномена идентичности состоит в том, что они имеют не только «теоретический вес» в социогуманитарном дискурсе, но и эмпирическую апробацию. Вместе с тем эти идеи следует связать с пониманием экзистенциальных оснований феномена идентичности.

Суть позиции австрийского психолога и психотерапевта состоит в том, что в качестве основной движущей силы человеческих действий понимается «воля или стремление к смыслу» [8, с. 11–14]. Думается, что не будет искажением говорить также и о тяге к смыслу, и о нужде в смысле, и о тоске по смыслу. В эмпирическом смысле концепция логотерапии базируется на трёх «китах». Во-первых, это личный опыт В. Франкла, связанный с пребыванием в нацистском концентрационном лагере, в котором он приобрёл экстремальный опыт выживания, наблюдения, самотерапии и попыток групповой и индивидуальной терапии для других заключённых. Во-вторых, это традиция психотерапевтической практики и практики психологических консультаций на основании принципов логотерапии. В-третьих, это данные групповых опросов студентов и слушателей публичных лекций австрийского психолога.

Отсутствие смысловой перспективы в жизни человека вызывает ситуацию т.н. «экзистенциального вакуума», которая (ситуация) генерирует различного рода психологические проблемы: «ноогенные неврозы», «экзистенциальные фрустрации» [8, с. 189–194]. Эти психологические трудности, которые сплошь и рядом преследуют человека в современную эпоху, могут быть обозначены в общем виде как «страдания от бессмысленности жизни». В. Франкл выделял три основных линии нахождения жизненных смыслов: 1) через креативные ценности или ценности деятельности, 2) через ценности переживаний, 3) через ценности установки или ценности страдания. Смысл деятельности может быть понят как глубокая ментально-эмоциональная связь человека со своей работой или иным занятием. Ценности переживания – как глубокая ментально-эмо-

циональная связь с другими людьми, культурными артефактами, природной средой, трансцендентным началом (Богом) и др. Ценности страданий могут быть поняты в свете моральной способности преодоления травмирующей ситуации с достоинством, т.е. человек может обрести смысл в достойном перенесении страданий, от которых он не в силах избавиться. Однако жизненные смыслы надо рассматривать не только как результаты поиска ответов на вопрос «ради чего?», но также и как результаты поиска ответов на идентификационный вопрос «кто я?». Другими словами можно говорить о связи жизненных смыслов как значений и смыслов как ценностей. Они являются взаимосвязанными, также как и экзистенциальные вопросы «ради чего?» и «кто я?».

В качестве примера можно рассмотреть, актуальную в связи с прошедшим чемпионатом мира ситуацию футбольного болельщика. Связаны ли его переживания только с эстетическим восприятием игры? Очевидно, что в большинстве случаев мы будем иметь дело с определённой самоидентификацией себя с конкретной командой. В случае такого «боления» очень сложно решить вопрос о том, что первично: игровой азарт, который определяет конкретную идентификацию или идентификация, которая определяет азарт переживания. Ещё более очевидной связь конкретной идентичности с ценностями переживания становится на уровне поддержки национальной сборной. Чем в таком случае конституируется накал переживаний болельщика, если не определённой самоидентификацией?

Обобщая нашу теоретическую позицию, надо сказать, что интерессубъективная действительность (например, конкретные социальные практики и культурно-исторические общности) зависит от ключевых характеристик человеческой экзистенции. В терминологии проекта экзистенциальной аналитики Dasein M. Хайдеггера эти характеристики были определены как экзистенциалы [9, с. 44]. В качестве одного из ключевых экзистенциалов можно рассматривать тягу к смыслу, которая и продуцирует поиск ответов на вопросы: «зачем?/ради чего?» и «кто я?».

3. Экзистенциально-смысловая связь уровней социально-антропологической идентичности

Экзистенциальное понимание феномена идентичности позволяет связывать различные уровни (социально-антропологической) идентичности: персональный, социокультурный (социальный), антропологический. В современном социогуманитарном дискурсе эти уровни, как правило, исследуются изолированно. Актуальность построения целостной теоретической модели связана с тем простым фактом, что человек, одновременно, является самим собой (понимает себя как себя), имеет определённое место в бытии с другими (понимает себя в определённых социокультурных характеристиках) и является человеческим существом (понимает себя как человека). Очень хорошо связь уровней идентификации можно увидеть на примере эпизода романа Р. Киплинга «Ким», когда главный герой (белый мальчик-подросток) впервые размышляет о себе и своей судьбе. Здесь уместно будет привести цитату: «Я прыгаю с места на место, как мяч, который подбрасывают. Это моя кисмат¹. Ни один человек не может избежать своей кисмат. Но мне придется молиться Биби Мириам², и я – сахиб³, – он уныло взглянул на свои сапоги. – Нет. Я – Ким. Вот великий мир, а я только Ким. Кто такой Ким?» [2, с. 103]. Здесь мы видим, что вопрос о понимании самого себя явным образом переплетается с пониманием конкретных параметров своего бытия-с-другими в их значимости. При этом рефлексия конституируется и параметрами антропологического понимания – ситуация бытия человеком означает для мальчика наличие конкретного предназначения в его жизни («кисмат»).

Экзистенциальный подход предполагает осмысление различных уровней социально-антропологической идентичности в их взаимосвязи. Идентификация здесь может быть определена как процедура **смысловой связи себя** с конкретными параметрами своего бытия с другими. Бытие кем-то (например, человеком, мужчиной и др.) долж-

¹ Судьба, предопределённость, предназначение.

² Деве Марии.

³ Т.е. европеец.

но что-то значить, в противном случае сложно говорить о смысловой стороне жизни (или аспекта жизни). Хорошую иллюстрацию к этой мысли можно найти в полевой практике известного российского антрополога Я.В. Чеснова. По воспоминаниям исследователя в одной из абхазских деревень его пригласил в гости (с последовавшим полноценным кавказским застольем) ранее незнакомый абхаз, со словами: «зайди, чтобы я человеком был» [11, с. 392]. Быть человеком – не означает просто отождествлять себя с конкретным сущим именуемым человеком. Это означает жить и поступать по-человечески. При этом сама эта потребность носит личный характер («чтобы я – был человеком») и определяется конкретными социокультурными практиками, например, в данном случае традицией гостеприимства. Таким образом, нельзя говорить о том, что антропологическая идентификация является слабой и абстрактной по сравнению с конкретными и сильными социокультурными. Скорее речь должна идти о том, что сама ситуация «быть человеком» может или иметь в конкретном случае значение (смысл), или не иметь его.

Самоидентификации нельзя свести к простым манифестациям сознания. Поэтому они не редуцируются ни до логико-онтологической процедуры родовидового различения себя от остального сущего, ни до процедуры отождествления себя с определённым сконструированным образом. В этом смысле антропологическая идентификация несёт в себе персональные смыслы, которые при этом опосредуются культурной средой, но по своей значимости они имеют экзистенциальный характер. Соответственно, надо сказать, что не только наша персональная идентичность и наши социальные идентичности¹, выражают содержательные характеристики опыта и смысла нашего бытия, но также и антропологическая идентификация.

Явления современной жизни, которые часто принято определять как процессы размывания и кризиса социокультурных иден-

---

¹ Здесь надо заметить, что о социокультурных идентичностях принято говорить не только по отношению к отдельным людям, но и по отношению к общностям. Поскольку статья ориентирована на прояснение экзистенциальных аспектов идентификации, то и акцент, соответственно, делается на социокультурные идентичности личности.

тичностью можно понять в качестве результата смысловых разрывов с определёнными идентификациями. Концептуализацию таких смысловых разрывов в западной мысли, по-видимому, можно связать уже с раннехристианской идеей «метанойи» (от др-греч. Μετάνοια – «перемена ума», «переосмысление») – т.е. с идеей мгновенной радикальной перемены, радикального жизненного поворота, который может кардинально изменить человека. Здесь можно вспомнить историю ап. Павла, духовное преображение которого согласно христианской традиции произошло мгновенно и в достаточно зрелом возрасте [Деян. 9.1-9.30]. Можно ли считать «мытаря Савла» и «апостола Павла», которым он стал, одним человеком? Думается, что если и да, то только в логико-онтологическом смысле, но не в личностно-смысловом. Переживание метанойи связано с резким смещением человека к благу, тогда как процесс разрыва идентичности растянут во времени и может представлять как этически нейтральным, так и проблемно-негативным явлением. В качестве примера последней возможности можно указать факты вступления в радикально-террористические группы, сопряжённые при этом с отказом от одной социокультурной идентичности и обращением к другой. В частности хорошей иллюстрацией является приток европейцев, не имеющих арабских или африканских корней, в радикальные исламистские организации. Особенно характерна здесь практика онлайн вербовки активистами ИГИЛ и других радикальных структур молодых девушек и женщин (для секс-джихада или для подготовки террористок-смертниц), испытывающих психологические проблемы, которые на языке логотерапии могут быть определены как «экзистенциальный вакуум».

Экзистенциальное видение проблемы является средней методологической позицией между конструктивистским и эссенциалистским подходом. Основное методологическое различие подходов заключается в различной трактовке природы и оснований социальных идентичностей. Если радикальный конструктивизм предполагает сведение таких оснований к нулю, то крайне эссенциалистская позиция фактически приравнивает идентичность исключительно к этим ос-

нованиям. Суть первого подхода может быть выражена в известном определении С. Хантингтоном идентичностей как «воображаемых сущностей» [10, с. 51–52]. При этом если теоретиками-конструктивистами, как правило, выражается общая установка о принципиально конструируемом характере любых идентичностей, то их оппоненты, как правило, защищают основания конкретных идентификаций: народа, гендера, культуры и т.д. В общем виде суть предельно эссенциалистской позиции может быть выражена следующим образом: идентичности являются объективными данностями, которые отражаются в сознании, культуре, политике, поведении и др.

Экзистенциальный взгляд на проблему ближе к умеренным позициям в рамках этих подходов, при этом он позволяет глубже прояснить связь социокультурного и персонального уровней идентификации. В частности, говоря о умеренно конструктивистской линии, можно отметить идею о наличии границ социального конструирования. Эта идея разделялась такими известными теоретиками как П. Бергер и Т. Лукман. Границы можно легко обнаружить, например, в биологических фактах: «Как говорили английские правоведы, парламент может все, кроме одного: он не может заставить мужчин вынашивать детей. Если парламент попробует это сделать, сие начинание столкнется с неизменными фактами человеческой биологии» [1, с. 291]. Думается, что понимание подобных границ должно быть принципиально расширенно, поскольку они могут иметь не только биологический, но и историко-культурный, историко-географический, духовно-символический или иной характер. Например, достаточно сложно представить себе гипотетический программный документ, который предполагал бы включение Краснодарского края в Арктическую зону Российской Федерации. Эти границы следует рассматривать в качестве интерсубъективных оснований конкретных идентификаций. При этом сами основания на личностном уровне могут как осваиваться, так и отчуждаться. Ситуация смыслового отчуждения и порождает те явления, которые могут быть определены как разрывы идентичности. Таким образом, конкретные социокультурные идентичности должны быть поняты в

качестве смысловых возможностей, а не в качестве уже имеющихся данностей или всего лишь конструкторов сознания.

Выводы

Социально-антропологические аспекты феномена идентичности не могут быть удовлетворительно поняты только лишь в логико-онтологическом ключе в качестве проблемы отождествления и различения. Понимание персональной идентичности в качестве простой тождественности приводит к сложно разрешимым парадоксам, подрывающим её значимость. В качестве теоретической альтернативы может рассматриваться экзистенциальный подход. Основанием экзистенциального взгляда на феномен идентичности является идея о взаимосвязи идентифицирующего вопроса «Кто Я?» и смысложизненного вопроса «Ради чего?». Идентичность, понятая таким образом, может быть определена в качестве смысловой связи человека с самим собой и с конкретными параметрами собственного бытия с другими. Три уровня самоидентификации (персональный, социокультурный, антропологический) следует рассматривать в их принципиальной взаимосвязи в контексте проблемы экзистенциального самоопределения человека.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 323 с.
2. Киплинг Р. Ким. Москва: Советский композитор, 1991. 256 с.
3. Локк Дж. Собрание сочинений в 3 т. Т.1. Москва: Мысль, 1985. 624 с.
4. Орлова Э.А. Концепции идентификации/идентичности: антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории. 2011. Т. V. С. 170–191.
5. Рикёр П. Повествовательная идентичность // Библиотека Гумер (сайт). – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php (дата обращения 2.07.2018)
6. Тета Ж.-М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикёра // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 2. С. 100-121.
7. Фрагменты ранних греческих философов / под ред. А.В. Лебедева, перевод А.В. Лебедева Ч. 1. Москва: Наука, 1989. 576 с.

8. Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000. 286 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время Санкт-Петербург: Наука, 2006. 452 с.
10. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 637 с.
11. Чеснов Я.В. Народная культура. Философско-антропологический подход. Москва: Канон +: Реабилитация, 2014. 496 с.
12. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. Т.4. №3-4. С. 158–181.
13. Parfit D. The Unimportance of Identity // Pablo Stafforini (сайт). URL: http://www.stafforini.com/txt/parfit_-_unimportance_of_identity.pdf (дата обращения 4.07.2018).

References

1. Berger P., Luckmann T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium publ., 1995. 323 p.
2. Kipling R. *Kim* [Kim]. Moscow: Sovetskij kompozitor publ., 1991. 256 p.
3. Locke J. *Sobranie sochinenij v 3 t. T.I.* [Collected works in 3 vol. vol. 1] Moscow: Mysl' publ., 1985. 624 p.
4. Orlova E.A. *Koncepcii identifikacii/identichnosti: antropologicheskaja traktovka* [Concepts of identification/identity: anthropological treatment] *Voprosy social'noj teorii*. 2011. vol. V. (2011), pp. 170–191.
5. Ricœur P. *Povestvovatel'naja identichnost'* [Narrative identity]. Biblioteka Gumer (website) URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php (Accessed: 2.07.2018)
6. Teta Zh.-M. *Narrativnaja identichnost' kak teorija prakticheskoy sub-ektivnosti. K rekonstrukcii koncepcii Polja Rikjora* [Narrative identity as a theory of practical subjectivity. An essay on reconstruction of Paul Ricœur's theory]. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2012. vol. 11. no. 2. (2012), pp. 100–121.
7. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov* [Fragments of early Greek philosophers] ed. by A.V. Lebedev. vol. 1. Moscow: Nauka publ., 1989. 452 p.

8. Frankl V. *Osnovy logoterapii. Psihoterapija i religija* [Principles of Logotherapy. Psychotherapy and Religion]. Saint Petersburg: Rech' publ., 2000. 286 p.
9. Heidegger M. *Bytie i vremja* [Being and Time]. Saint Petersburg: Nauka publ., 2006. 496 p.
10. Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj iden-tichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Moscow: AST: AST MOSKVA publ., 2008. 637 p.
11. Chesnov Ja.V. *Narodnaja kultura. Filosofsko-antropologicheskij podhod*. [National culture philosophical-anthropological approach]. Moscow: Kanon +: Reabilitacija publ., 2014. 576 p.
12. Jadov V.A. Social'nye i social'no-psihologicheskie mehanizmy formirovaniya social'noj identichnosti lichnosti [Social and social and psychological mechanisms of formation of social identity of personality]. *Mir Rossii*. vol. 4. no 3–4. (1995), pp. 158–181.
13. Parfit D. *The Unimportance of Identity*. Pablo Stafforini (website). http://www.stafforini.com/txt/parfit_-_unimportance_of_identity.pdf (Accessed: 4.07.2018).

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Воронov Василий Михайлович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет»
ул. Капитана Егорова, 15, Мурманск, Российская Федерация
Voronov.mspu@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Voronov Vasily Mikhailovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences
Murmansk Arctic State University
15, Captain Egorov st., Murmansk, Russian Federation
Voronov.mspu@rambler.ru